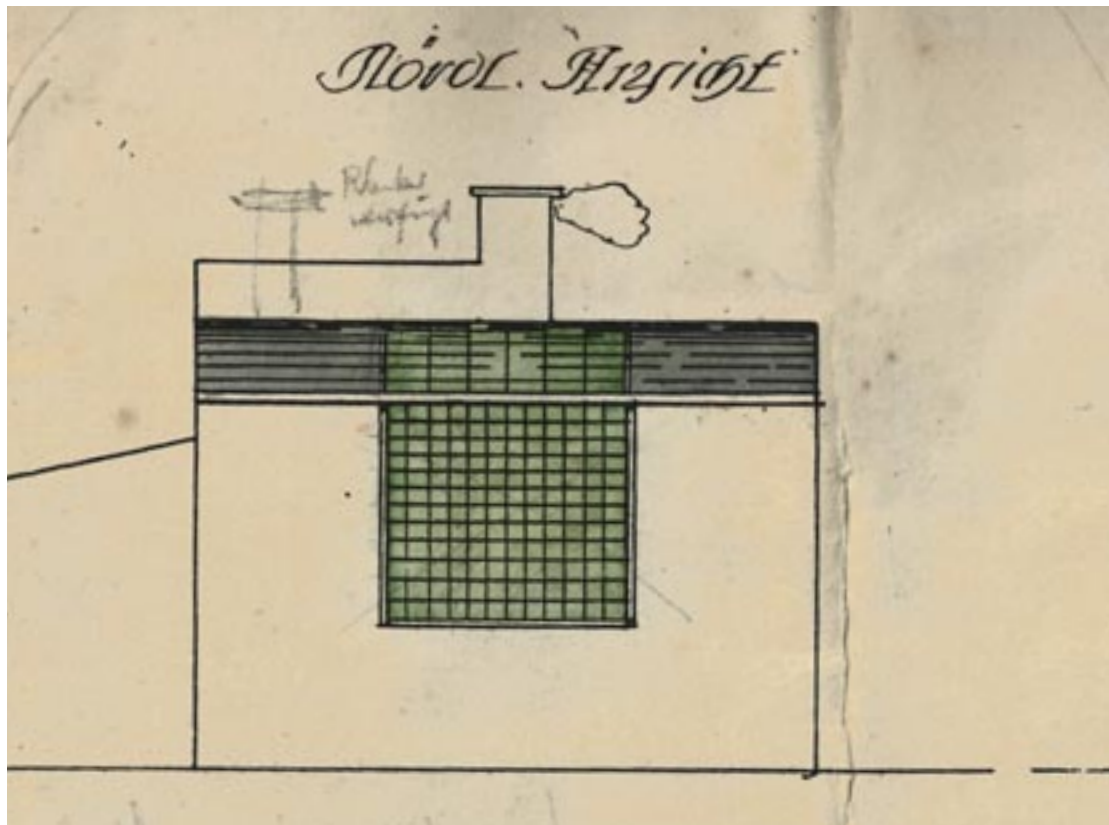

Зандра Уриг. «Относительно свободен» — Роберт Генин. Русский «цивильный пленный» в Мюнхене во время Первой мировой войны // Роберт Генин (1884-1941). Русский экспрессионист в Мюнхене. Выст. каталог. Художественный музей Мурнау. 2019. С. 114-122. © Sandra Uhrig, 2019. Источник: <http://robertgenin.org/>

Роберт Генин 1884–1941

Русский экспрессионист
в Мюнхене

	7	Введение и благодарности
Алексей Родионов	11	Лирический элемент
Ральф Йенч	77	Роберт Генин и «Современная галерея Таннхаузер» в Мюнхене
Бернд Фетке	89	О кратком пребывании Генина в школе Ашбе
Кристина Хопфенгарт	99	Тонкие связи. Пауль Клее и Роберт Генин в Мюнхене
Зандра Уриг	115	«Относительно свободен» — Роберт Генин. Русский «цивильный пленный» в Мюнхене во время Первой мировой войны
Генриетта Мента	123	Роберт Генин и Карл Имоберштег, «наш швейцарец на все случаи жизни»
	132	Иллюстрации
Ральф Йенч / Алексей Родионов	202	Роберт Генин (1884–1941), хроника жизни и творчества
Ральф Йенч / Алексей Родионов	210	Прижизненные персональные и групповые выставки Генина
	215	Права на изображения

Мастерская Роберта Генина
в Трудеринге, северная сторона,
фрагмент чертежа, март 1914.
Ч. собр.

«Относительно свободен» — Роберт Генин. Русский «цивильный пленный» в Мюнхене во время Первой мировой войны

26 августа 1914 года Роберт Генин телеграфирует из Линдау в штаб командования Первого армейского корпуса в Мюнхене (илл. 1): «[...] прошу разрешения вернуться в Мюнхен. Роберт Генин — русский — с детства в Германии — домовладелец в Трудеринге — художник — дружу наследным принцем фон Майнинген — справки у супруги его светлости в Харлахинге тлф. 1617 = Линдау хоспис». ¹ Роберт Генин бросает на чашу весов все, что имеет, в надежде, что сообщение окажется настолько весомым, что сможет вернуть его к прежней жизни: здесь и его многолетнее пребывание в Мюнхене, и возведенный в апреле 1914 года дом-мастерская в Вальд-Трудеринге, и его дружба с принцем Эрнстом фон Заксен-Майнинген. ² Даже если пассаж о том, что он с детства жил в Мюнхене, не вполне соответствовал действительности. Он прибыл туда хоть и не совсем совершеннолетним, но все-таки в возрасте 18 лет 22 декабря 1902 года.

Сразу после начала Первой мировой войны, точнее говоря 31 июля 1914 года, вся исполнительная власть перешла к военной администрации. Последствия были радикальными, особенно в отношении общественного порядка, безопасности и экономики. Для всех иностранцев в Баварии была введена обязанность носить паспорт и отмечаться в полиции. Русские художники, коллеги Генина — Василий Кандинский, Марианна Веревкина и Алексей Явленский — в суматохе первых дней войны 3 августа уехали через Линдау в Швейцарию. ³ Д-р Карл Вольфарт, тогдашний архивариус

города Линдау, отмечал в рукописной городской хронике за день до этого, 2 августа 1914 года: «Первое воскресенье войны [...] Город заполняют массы приезжих, спешащих домой. Происходят аресты подозрительных иностранцев. Пассажирские железнодорожные перевозки ограничиваются. На паромном причале и на вокзале введена военная вахта». ⁴

Осенью 1914 года Бавария начала, по согласованию с центральным правительством, задерживать и интернировать иностранцев мужского пола в возрасте от 17 до 45 лет, чтобы избежать их использования вражескими странами против Германии в качестве потенциальных солдат или шпионов. ⁵ Во Франции подобные меры на

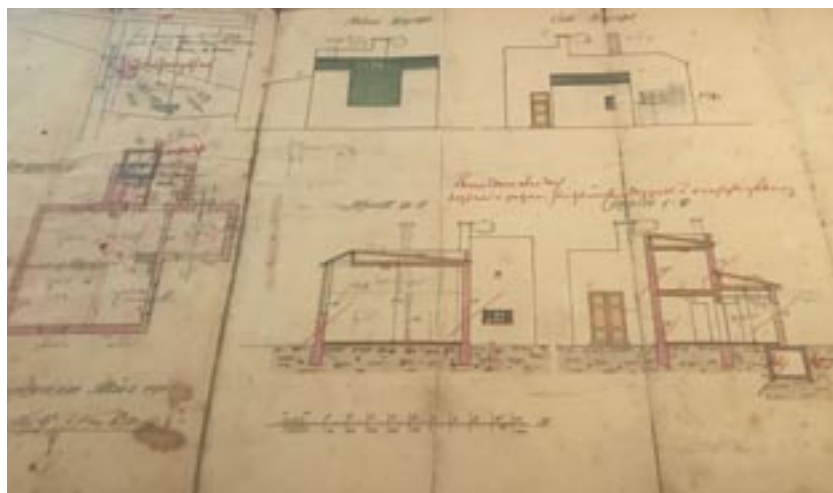
1 Телеграмма Роберта Генина в штаб командования первым армейским корпусом, 26.08.1914, Главный государственный архив, Мюнхен, отд. IV.

случай возможной войны обсуждались еще в 1880-е годы, в Великобритании — после 1910 года. 5 августа 1914 года там был выпущен «Aliens Restriction Act», регулирующий надзор за иностранцами.⁶ В качестве особенности Баварии следует отметить, что из 3000 иностранцев, зарегистрированных там в конце сентября, большинство изъявило желание остаться. Многие российские граждане мужского пола имели там особый статус, т. к., не считая военнопленных, это были в основном сезонные сельскохозяйственные и промышленные рабочие, которые не интернировались.⁷ Центральный лагерь для гражданских интернированных лиц располагался в Траунштайне, в нем насчитывалось до 1200 человек. Женщинам и детям разрешалось в любой момент выехать на родину.⁸ Что касается Кандинского и Явленского, то они были вольны в своем решении — уезжать из Германии или оставаться. Их возраст — 47 и 50 лет соответственно — не подпадал под выездной запрет.

После 5 августа 1914 года, согласно письму центрального полицейского управления в Мюнхене, Генин был задержан в Линдау (см. илл. 3) и содержался там под арестом до 4 сентября в помещении одного из хосписов, предположительно в Протестантском хосписе.⁹ При каких же обстоятельствах Роберт Генин оказался в Линдау?

В апреле 1914 года Генин заказал мюнхенскому архитектору Бертольду Нойбауэру постройку «художественной мастерской»¹⁰ по адресу Гартенштрассе 32, сегодня Вахтельвег 36-38 в Трудеринге. Участок он приобрел еще 20 мая 1913 года. Этот дом (илл. 2), стоящий лицом к северу и оттого единственный на всей улице повернутый к ней под углом 45°, имел большие окна на северной стороне, что идеально для мастерской художника. Существует путаница в отношении названия этого микрорайона в разных архивах. Где-то вместо Вальд-Трудеринг

2 Чертеж дома-мастерской Роберта Генина, план и разрезы. Ч. собр.

написано (неверно) Гронсдорф, что очевидно связано с близостью данного участка к ж/д станции Гронсдорф.¹¹

Трудно вообразить, что с началом войны ради возвращения на родину Генин захотел бы отказаться от только что выстроенного пристанища, от налаженных контактов с галереями и торговцами. Из договора продажи дома¹² следующим владельцам видно, что Генин самолично продал его 18 августа 1920 года, и, следовательно, дом у него во время войны конфискован не был. В то же время в договоре есть пункт: *«Продавец обязуется немедленно устранить обременение в части принудительного управления, установленное в отношении его собственности Министерством внутренних дел согласно Указам от 26 ноября 1914 и 4 марта 1915 года. О порядке действия данного обременения и об обязанности налогообложения в случае прироста стоимости стороны получили разъяснение от нотариуса»*. Упомянутые указы Бундесрата были опубликованы в законодательных бюллетенях № 104 за 1914 и № 32 за 1915 год. В них говорится, что *«предприятия, капитал которых полностью и большей частью внесен французскими гражданами, могут быть подвергнуты принудительному управлению»*. Это не означало конфискацию, но назначенный управляющий был наделен всеми полномочиями владельца. Параграф 7 бюллетеня 1914 года разъяснял, почему под действие указа попадали и землевладельцы: *«[...] с точки зрения данного указа, предприятия уподобляются филиалы любого предприятия, а также земельные участки»*. Законодательный бюллетень от 4 марта 1915 года расширял действие указа и на российских граждан.¹³ Позднее под него попали также британские и американские граждане.¹⁴

2 сентября 1915 года Генин пишет в штаб командования: *«[...] весенние и летние месяцы я провел с разрешения штаба командования на своей вилле в Трудеринге и теперь уже месяц как снова живу в мюнхенской мастерской, чтобы иметь возможность выполнять свои договорные обязательства. Моей натурализацией занимаются в Магистрате Мюнхена, и после того, как в апреле в Трудеринге мне пообещали гражданство, я ожидаю со дня на день перехода в немецкое гражданство. Поскольку до сих пор я был освобожден от обязанности отмечаться как иностранец, то покорнейше прошу распространить это правило также и на мое настоящее местопребывание. Также покорнейше прошу разрешить мне и в дальнейшем свободно посещать свою виллу [...] Ходатайство со стороны его светлости принца Эрнста фон Заксен-Майнинген лежит в наст. время в магистрате Мюнхена. Всепокорнейше, Роберт Генин, художник / Айнмиллерштрассе 7»*.

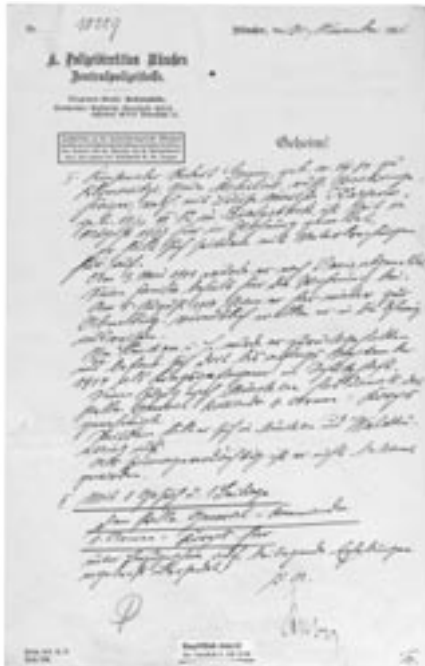
8 сентября на этом заявлении появляется комментарий городского управления Мюнхена: *«О том, что Генин был освобожден от обязанности отмечаться как иностранец, городскому управлению ничего не известно»*.

В деле также отсутствуют какие-либо следы прошения об упомянутой смене гражданства, если не считать замечания самого Генина об этом в письме от ноября 1917 года. 22 октября 1915 года в городское управление поступает следующее указание из Полицейской дирекции Баварии: *«Общее разрешение выезжать за пределы городской черты Мюнхена выдано быть не может. Генину предоставляется возможность подавать обоснованные прошения от случая к случаю»*. Это соответствовало общим правилам регистрации и отметки поднадзорных иностранцев из вражеских государств.

Затем Генин начинает запрашивать более дальние поездки. 1 октября 1916 года он пишет: *«Покорнейше прошу Вашего соизволения разрешить мне 14-дневное пребывание в санатории Бухкопф (Шварцвальд). Я болен и лечусь у доктора Райха (клиника Антония). Роберт Генин / Художник росс. гражд. / Гронсдорф»*. Примерно в то же время он запрашивает послабление строгой обязанности отмечаться: *«Штаб командования в Мюнхене в свое время дал мне добро на свободное передвижение между моим жилым домом в Трудеринге и мастерской в Мюнхене. Уже несколько месяцев я прохожу курс лечения у доктора Райха на Каульбахштрассе и ввиду ухудшения моего состояния должен находиться в городе в мастерской чаще и дольше [...]. Покорнейше прошу Вас облегчить мое положение в отношении обязанности отмечаться во время пребывания в городе»*. В конце заявления приписано несколько подтверждающих строк доктором Райхом: на протяжении длительного времени Генин состоит у него на лечении по поводу хронической болезни и нервного истощения.

Эту просьбу не удовлетворяют. Вместо этого между Гениным и властями возникают недоразумения. О том, что у Генина есть разрешение на свободное передвижение между Мюнхеном и Трудерингом, полиции ничего не известно, сообщает она 16 ноября 1916 года. Полиция напоминает, что согласно упомянутому письму от 22 октября 1915 года Генину не разрешено передвижение за пределы городской черты. Документ завершается протоколом данного Гениным объяснения, согласно которому это разрешение было выдано ему в полицейском участке Трудеринга, а также ссылкой на передачу этого письма в центральное управление полиции для дальнейшей обработки.

Тогда же, в начале ноября 1916 года Генин предпринимает попытку убедить власти в необходимости хотя бы установить ему телефонную точку для общения с доктором ввиду ограниченной свободы передвижения. Никакого ответа в деле нет. Тем не менее, заявлению Генина от 1 октября на поездку из Мюнхена в Бухкопф штаб командования в Мюнхене и Карлсруэ дает добро 24 ноября с условием *«осуществить поездку без остановок и по кратчайшему пути. Генину предписывается, по прибытии на место, незамедлительно лично отметить в полицейском участке»*.

3 Из дела Роберта Генина, штаб командования первым армейским корпусом, 30.11.1916, Главный государственный архив, Мюнхен, отд. IV.

30 ноября 1916 года центральное управление полиции подытоживает (илл. 3):

«Секретно!

1. Художник Роберт Генин, рожд. 20.VIII.84 в Климовичах Могилевской губ., рос. гражданин, женат на Луизе Марте Карпов, рожд. 17./30.12.82 в Белостоке, зарегистрирован здесь по месту жительства с 14 августа 1903 года. С тех пор находится здесь с промежутками. 3 мая 1911 года стоит отметка об убытии в Париж. Его семья осталась проживать в квартире.

5 августа 1914 года он снова явился отметить убытие. Предположительно хотел уехать в Швейцарию. Был задержан в Линдау и находился там до 4 сентября 1914 года¹⁵ под арестом в качестве военнопленного. Вернуться в Мюнхен ему было разрешено зам. начальника штаба 1-го армейского корпуса. С тех пор проживает в Мюнхене и Вальд-Трудеринге.

Подозрений в шпионаже в его отношении не выдвигалось[...].

На обороте 27 декабря 1916 года была наложена резолюция, гласящая:

«1. Российскому гражданину Роберту Генину во время его пребывания в Мюнхене разрешается отмечаться раз в неделю.

2. Необходимость телефонной точки требует подтверждения.»

В конце ноября 1917¹⁶ года Генин запрашивает многомесячную поездку в Швейцарию для поправки здоровья, опять настойчиво ссылаясь на свое местожительство в Мюнхене и свои связи с Эрнстом фон Заксен-Майнинген: «Я проживаю 16 лет в Мюнхене, где располагается мое не находящееся в залоге домовладение (Трудеринг) и где я имею друзей в профессорских кругах. Например, университетские профессора Хайнке, Хайк, Корнелиус,¹⁷ а также его светлость принц Эрнст фон Заксен-Майнинген. Во время войны я подавал прошение о натурализации». К этому документу прилагаются два медицинских заключения. Главный врач санатория в Дахау 19 ноября 1917 года на двух страницах описывает состояние здоровья Генина и приходит к выводу: «Вследствие имеющегося нервного состояния [...] а также с учетом общей физической слабости [...] Генин не может быть признан годным для воинской службы или вспомогательных работ». В последнем абзаце он добавляет, целиком принимая сторону Генина: «В качестве поддержки разрешения на поездку в Швейцарию со своей стороны могу в этой связи добавить, что Генин уже более 10 лет живет исключительно в Германии, имеет небольшое домовладение под Мюнхеном, политикой не занимается, своей родине совершенно чужд, настроен в немецком духе, а после начала войны, преодолевая препятствия, сразу вернулся из Швейцарии в Германию и не желает ничего иного, как только снова жить в Германии после поправки своего здоровья».

Фраза *«после начала войны, преодолевая препятствия, сразу вернулся из Швейцарии в Германию»* настораживает. Либо Генину удалось выехать из Германии уже в первую неделю августа, а затем, ввиду непрерывно ухудшающейся обстановки, через несколько дней он вернулся на швейцарско-немецкую границу, либо же он ловко манипулировал тем фактом, что был там задержан при попытке выезда. Через три месяца — в ноябре 1914 года — планировалось участие его работ в выставке в Художественном музее Цюриха, для чего он в принципе мог бы прибыть в Швейцарию. Хаос первых дней войны делает маловероятной такую поездку именно в это время, но с учетом порывистого характера Генина этого нельзя исключить.

Для того чтобы устранить всякую возможность призыва Генина на войну против Германии в случае его возвращения в Россию, зам. начальника штаба делает на обороте медицинского заключения приписку о необходимости дополнительного заключения гарнизонного доктора с целью определения годности Генина к воинской службе.

Это медицинское заключение, подписанное 29 ноября 1917 года, дает тот же результат: *«Г. демонстрирует всеми движениями суетливость. Он производит впечатление чрезвычайно возбужденного и невыносимого человека»*. Вследствие общей нервной слабости *«он физически не подходит для любого военного применения, в том числе и для постоянной службы писарем»*. Тем не менее, штаб военного командования и полицейское управление не дают разрешения на поездку в Швейцарию из-за *«принципиальных опасений в отношении российских граждан»*. Однако Генин оказывается чрезвычайно настойчивым просителем. 21 июня и 9 сентября 1918 года он снова подает заявления, ссылаясь на однажды одобренную поездку в Швейцарию в октябре 1916 года, на этот раз на выезд в санаторий Бухкопф под Бюлем. В последнем из этих заявлений он упоминает сделанные там десять лет назад эскизы картин и необходимость вернуться к эскизам на том же месте.

Бросается в глаза, что практически при каждой проверке соответствующими органами используется фраза, что Генин не вызывает *«подозрений в шпионаже»*. Уже в первые дни войны в Германии распространилась определенная *«шпиономания»*.¹⁸ Подозрительным мог быть всякий, кто необычно себя вел или казался переодетым. Особенно не повезло Грете Гульбрансон, жене художника Олафа Гульбрансона: ее арестовывали три раза подряд. Сперва она показалась кому-то русским шпионом, переодетым женщиной, затем с компанией друзей — русскими саботажниками, а в третий раз попала под подозрение вместе с мужем, чья перевязанная рука дала повод предположить, что там спрятана бомба.¹⁹ Чтобы предотвратить шпионаж в важных местах, *«вражеским иностранцам»* был, например, запрещен вход в придворную и государственную библиотеку. Но *«голь на выдумку хитра»*, и здесь тоже можно было получить в виде

исключения пропуск, написав обоснованное прошение. Однако под подозрение попадал каждый, и как-то раз один бельгийско-французский пастор-бенедиктинец, имевший пропуск, стал причиной настоящей драки в зале рукописей государственной библиотеки.²⁰ Газета «Линдауэр Тагблатт» (Lindauer Tagblatt) от 15 августа 1914 года (как раз в это время Генин должен был быть там) также печатает полицейское воззвание на эту тему: *«Чтобы предотвратить опасность, которой во время войны подвергается наша родина со стороны находящихся здесь враждебно настроенных иностранцев, за ними необходимо вести внимательное наблюдение. [...] Поэтому требуется самым точным образом исполнять все полицейские процедуры по регистрации иностранцев, подсобных рабочих и т. д. Население также должно незамедлительно докладывать в полицейский участок любые полезные сведения о прибытии и поведении иностранцев [...] С другой стороны, рекомендуется воздерживаться от любого применения силы по отношению к тем из них, кто ведет себя смиренно и не проявляет к немцам враждебности».*

Систематический анализ ситуации с гражданскими пленными иностранцами до сих пор не предпринимался ввиду недостатка источников.²¹ Известно, что в отдельных случаях работодатели и влиятельные люди вступались за своих сотрудников или друзей. Генин, благодаря связям с принцем Эрнстом фон Заксен-Майнинген и своим очевидным успехам на художественном поприще, также относился к относительно свободным «вражеским иностранцам». В его личном деле, хранящемся в Главном государственном архиве, подшиты газетные рецензии на выставку монументального искусства в Обществе художников Мюнхена (Kunstverein München) и на его персональную выставку в галерее Таннхаузер (1913), а также телеграмма от издателя Генриха Хохштайна, ожидавшего Генина в Берлине 12 сентября 1918 года для комплектования пятого номера журнала «Marsyas». Выражение «вражеские иностранцы», нивелирующее личность человека до вражеской сущности, должно было особенно угнетать иностранных художников, работавших в Мюнхене — городе, всегда считавшемся интернациональной культурной метрополией.

Как сообщает городская хроника Линдау от 6 сентября 1914 года, последние иностранцы, которые еще находились в Линдау, были отправлены в Кемптен.²² После этого Генин также был выпущен из-под ареста. Однако все связанные с этим проблемы были, похоже, неизвестны в его дружеском кругу. Так, Лили Клее писала Габриэле Мюнтер 21 октября 1914 года: *«Здесь есть разные иностранцы, например семья Элиасберг и Генин, которых совершенно не преследуют».*²³ На самом деле общественная и художественная жизнь Генина была в высшей степени ограничена, но, с другой стороны, она конечно не шла ни в какое сравнение с жизнью интернированных, военнопленных и занятых принудительным трудом.

- 1 Все документы, цитируемые в данной статье, хранятся (если не сказано иное) в деле Роберта Генина в Баварском главном государственном архиве (Bayerisches Hauptstaatsarchiv, München, Abt. IV., Kriegsarchiv, Aktenzeichen: Stv. GenKdo. I., AK 2118). Здесь они даны в переводе с немецкого.
- 2 См. статью А. Родионова в настоящем каталоге, с. 70, прим. 64.
- 3 Им повезло, что их не арестовали. Газета «Lindauer Tagblatt» за 3 августа сообщила: «Разные подозрительные личности, в основном русские, были арестованы здесь в последние дни». 10 ноября 1914 Василий Кандинский запросил Министерство иностранных дел о разрешении для себя и своих родственников проехать через Германию в Россию. Bayerisches Hauptstaatsarchiv, München, Abt. IV, Kriegsarchiv, Aktenzeichen: Stv. GenKdo., AK 2120.
- 4 Рукописная городская хроника Линдау, с. 367. За эти сведения я благодарю Хайнера Штаудера, руководителя городского архива Линдау, который мне очень сильно помог в поиске источников о ситуации в Линдау в августе 1914 года. Подробности см. также в: Karl Schweizer, Lindau und der I. Weltkrieg. Ein Überblick, Lindau 2014.
- 5 Christoph Jahr, Keine Feriengäste. «Feindstaatenausländer» im südlichen Bayern während des Ersten Weltkrieges, in: Der Erste Weltkrieg im Alpenraum. Erfahrung, Deutung, Erinnerung, hg. von Hermann J. W. Kuprian und Oswald Überegger, Innsbruck 2006, S. 231–244, здесь S. 234. Laura Pachtner, Ausländer in Bayern während des Ersten Weltkrieges, in: Bayern und der Erste Weltkrieg, hg. von der Bayerischen Landeszentrale für politische Bildung, München 2017, S. 144–159, здесь S. 146–148. За указание на эти два основополагающие источника я благодарю д-ра Кристофа Йяра из Университета Генриха Гейне, Дюссельдорф.
- 6 Jahr 2006 (см. прим. 5), S. 234.
- 7 Там же, S. 235.
- 8 Там же, S. 148.
- 9 Согласно сведениям, полученным от Хайнера Штаудера, руководителя городского архива Линдау.
- 10 Согласно кадастровому плану от 19 апреля 1914 года, ч. собр. За предоставление разъяснений, чертежей и документов — огромная благодарность Мартину Врчотке (Мюнхен).
- 11 Чертежи видов и разрезов, 1914, ч. с. Этот дом был продан в 2018 году и запланирован к сносу в ближайшее время. За разъяснения по правильной топонимике — спасибо Петеру Вагнеру, Трудеринг.
- 12 Договор купли-продажи от 29.7.1920. Ч. собр.
- 13 За ссылку на эти законодательные бюллетени — особая благодарность Марион Хрушке, с самого начала с большим интересом поддерживавшей наши исследования по подготовке выставки Роберта Генина.
- 14 Jahr 2006 (см. прим. 5), S. 240f.
- 15 В письме от полицейского управления от 26.6.1918 упоминается, что с 4 сентября 1914 года Генин состоял на учете в мюнхенском отделе регистрации иностранцев.
- 16 Этот запрос Генина к сожалению не датирован. Но на обороте есть входной почтовый штамп штаба командования от 22.11.1917.
- 17 Среди трех названных профессоров есть имя Эдуарда Хайка, профессора истории. До 1901 года он был мужем Майны Хайк-Йенсен, см. статью А. Родионова в наст. каталоге, с. 31, прим. 51.
- 18 Pachtner 2006 (см. прим. 5). S. 146.
- 19 Там же, S. 146.
- 20 Там же, S. 49.
- 21 Jahr 2006 (см. прим. 5). S. 239.
- 22 Рукописная городская хроника Линдау, с. 368 (см. прим. 4).
- 23 Gabriele Münter- und Johannes-Eichner-Stiftung, München. Письма готовятся к изданию в: Paul Klee und Wassily Kandinsky. Der Briefwechsel, hg. von Christine Hopfengart.